

A rustic wooden cabin with a thatched roof is nestled in a dense forest of tall, thin trees. The cabin has a simple wooden structure and a thatched roof made of dried grass or straw. The forest is lush and green, with sunlight filtering through the trees. The overall scene is peaceful and natural.

Точка пересечения параллелей

Татьяна Кожевникова

18+

Татьяна Кожевникова

Точка пересечения параллелей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71851900

SelfPub; 2025

Аннотация

Если бы Великая Отечественная война не закончилась за 4 года, что бы было тогда? Как бы жили люди? Мария – главная героиня – случайно попадает в параллельный мир, где война длится уже 50 лет. Когда разделились наши миры? Возможно, именно во время войны. Сначала Марии никто не верит, думают, что она – шпионка, но после необычного "поручения" в партизанском отряде, она получает возможность вернуться домой, не надеясь на возвращение. Возвращается, и не одна, а с любимым человеком, которого вначале ненавидела. В нашем мире она понимает, что такое настоящая Любовь, когда жизнь бессмысленна без любимого.

Содержание

Манька – партизанка	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Кожевникова

Точка пересечения параллелей

Манька – партизанка

Какой замечательный день! Восхитительное настроение! Мария получила зарплату и направлялась в супермаркет за покупками. Пусть «шопинг» – слово некрасивое, но какая разница, как назвать то, от чего получаешь наслаждение! Где ещё не бывает скучно в провинциальном городке?

Как и многие российские женщины Мария была в разводе, жила с маленьким сыном у родителей, которые надеялись, что она снова выйдет замуж. Чтобы на этот раз ей повезло. Но почему-то ей попадались только мужчины, у которых было одно на уме – как бы с ней переспать, да ещё и бесплатно. Поэтому со вторым браком она не спешила.

Мария прибавила шагу, перечисляя в уме то, что надо купить. Шопинг – самое привлекательное занятие для женщины, на которую оглядываются мужчины, которой много надо, но нет больших возможностей. Муж исправно платил алименты, но зарплата была небольшая, а запросы – ого-го!

Мария решила не спешить. Родители знают, что она пой-

дёт в супермаркет, Володька тоже. Она усмехнулась, вспомнив, как в прошлый раз Володька приготовил ей сюрприз. Он нарядился, как на утренник, залез на стульчик и продекламировал стишок, который разучил в садике к празднику. Мария даже прослезилась от восторга – так он старался. Молодец, уже понимает, что все радости нужно зарабатывать.

Когда Мария наконец-то вышла из супермаркета, было уже темно. Настроение – супер! О! Вот бы каждый день так! Хотя, каждый день столько не надо было бы покупать. Тащи вот теперь эти тяжёлые сумки. Можно было бы на такси, но... денег жалко. Нет, сегодняшнее настроение невозможно испортить. Завтра – суббота, сегодня – день зарплаты, ах! Замечательно!

Чудесное настроение Марии настроило на лирический лад не только её, но и двух мужчин среднего возраста, которые, явно поддатые, (наверное, тоже зарплату получили) шли сзади неё, отпуская сальные шуточки.

Поначалу Мария не обращала на них внимания, но, когда они повернули за ней в более тёмные улицы частного квартала, ей стало не по себе. Вот ещё не хватало, такой чудесный день, а тут эти кобели. Вместо того, чтобы помочь донести сумки (ни за что не отдала бы), они наглым образом обсуждают строение её фигуры (в обтягивающих джинсах очень даже привлекательной), да ещё и меряются, кто будет первым! Мария пошла быстрее, насколько ей позволяли каблукы, но и преследователи тоже. Мало того, они вошли в азарт.

Теперь они уже громко обсуждали, каким образом они займутся сексом со столь привлекательной дамочкой, что привело Марию в дикий ужас. Она даже думать, а тем более представлять себе не хотела, что вот сейчас она уляжется в ближайшую канаву, хихикая, снимет джинсы, задерёт обворожительные ножи, и...

Мария почти бежала. Как назло, никто не шёл по этой улице ни туда, ни обратно, неужели уже так поздно? Преследователи, возбуждённые своей болтовнёй, стали уменьшать расстояние. Марию прошиб холодный пот. Вот так чудесный день! Вот тебе и замечательные покупки, которые оттягивали руки и не давали возможности прибавить шаг. Мария попробовала побежать, но тут же заблудилась в своих ногах, и чуть было не упала. Пришлось просто семенить быстрым шагом. Мужики, гогоча, и подбадривая друг друга образами немыслимых поз, догоняли её. Мария, не замечая своих непрошенных слёз, «неслась во весь опор», если можно так назвать её попытки, то ли бежать, то ли быстро идти.

Внезапно она увидела боковым зрением небольшой абсолютно тёмный проход между двумя домами, которые были скорее хозяйственными постройками. На секунду пронеслось в голове, что, возможно, это не проход, а тупик, но надо было что-то делать, ведь преследователи настигали, да ещё и с явно определённой целью. В ту же секунду она оценила обстановку, увидев, что впереди поворот, и нырнула в проход. Старясь не цокать каблучками, она прижалась к стене:

будь, что будет. Через несколько минут она услышала шумное дыхание, тяжёлую поступь, повизгивание и реплики, типа: «Щас, натрахаемся!» Мария стояла, не дыша, вжавшись в стенку. Преследователи продолжали её догонять, не заметив, что она нырнула в проход, видимо, думая, что она успела завернуть за угол.

Мария перевела дух, но радоваться было рано. Они ведь могли вернуться. Выйти из укрытия, но куда идти? Назад, если вернуться – увидят, вперёд – то же самое. Мария решила пройти по проходу, а вдруг здесь есть какой-нибудь выход или просто люди?

Если на улице было темно (когда светила луна, на электричестве сэкономили), то в проходе вообще ничего не было видно. От стен, поднимавшихся с двух сторон, пахло сыростью. Мария уже пожалела, что пошла вперёд. Вряд ли проход шириной не больше полуметра будет действительно проходом. Скорее всего, это была межа между двумя соседними зданиями. Но повернуть назад было ещё страшнее. Однако проход всё ещё не кончался, и Мария, не теряя надежду, продолжала идти вперёд, тем более что сзади ничего не было слышно. Она остановилась и прислушалась. Вообще, ничего не было слышно. Не слышно, не видно, – жуть. Марию затрясло от страха, ведь люди больше боятся неизвестности, чем реальных опасностей.

Внезапно она почувствовала под ногами что-то мягкое. Марию передёрнуло, неужели это один из общественных

туалетов, которые люди изобретают, не желая платить за то, что является естественной нуждой? Она наклонилась – если ничего не видно, то запах-то должен быть. Ничем таким, чего она опасалась, не пахло. Более того, не пахло и сыростью, напротив, – чем-то непривычным и странным. Мария поставила сумки, присела, и нащупала на полу сено. Фух! Скорее всего это какой-нибудь сарай, где хранится сено. Отлично! А раз оно на полу, значит, должна быть какая-нибудь дыра, куда оно вывалилось, значит, в эту дыру можно пролезть. Мария повеселела и, протянув руку, стала шарить по стене. Очень скоро её надежды оправдались. Сначала она почувствовала сквознячок, а потом нашарила и дыру, которая расширялась. Подхватив сумки, Мария смело направилась к дыре, – очутиться на чужом дворе ей представлялось гораздо лучшим вариантом, чем оказаться в мерзких лапах пьяных мужиков. Дыра оказалась небольшой, Марии пришлось сначала засунуть туда сумки, а потом залезть самой. Здесь было только сено, которое пахло так замечательно, что Мария, чтобы совсем успокоиться, полежала на нём немного.

Но надо было выбираться отсюда. Надо было идти домой. Володька, небось, уже замаялся сам и измучил бабку с дедом, ожидая сюрпризов. Мария потихоньку поползла в крошечной тьме, сама, не зная куда, но вперёд. Скоро она почувствовала, что ползёт куда-то вверх, по-видимому, сено было навалено горкой. «Ну, ничего, – успокаивала она сама себя, – на горку, а потом с горки и на выход».

Сколько времени она ползла на горку, – бог весть, однако «с горки» всё никак не получалось. Мария остановилась и решила ползти в другую сторону. Проползла некоторое время, повернула назад. Теперь она уже совсем сбилась с толку – куда ей ползти, а может, вообще тут заночевать? Нет, нет, только не это. Она не могла допустить, что Володька сегодня будет плакать, не понимая, как мама могла не прийти домой, хотя уже два дня только и разговоров было, что о предстоящей зарплате и всём остальном.

Мария поползла наобум – если приползёт к стене, значит, надо поворачивать, если к спуску, значит всё верно. Скоро она почувствовала, что в сене есть ещё один ход, он вёл куда-то в сторону, Мария незамедлительно им воспользовалась. Решение оказалось верным, потому что очень скоро Мария почувствовала движение свежего воздуха, а через несколько минут благополучно спустилась с небольшой горки сена на пол.

Отряхнувшись, Мария всё также в кромешной темноте пошла вперёд, понимая, что сено должно быть у стены, а если сена нет, где-то должна быть дверь. Было очень тихо, что тоже Марию обрадовало, если бы хозяева спускали собак на ночь, – ей несдобровать. Собакам же не объяснишь, что ты бегаешь от пьяных мужиков, а не тыришь сено, которое они охраняют.

В эту самую минуту, чьи-то жёсткие руки схватили Марию, а, чтобы она не закричала, зажали ей рот. Мария слабо

отбивалась, думая, что зря она ползала по сену, всё равно её застукали. Однако мужчина, который крепко держал её, казалось, вовсе и не помышлял о сексе. Подпихивая её под зад, он пытался направить её куда-то. Мария шумно втянула воздух и, не учуяв запаха спиртного, немного успокоилась. Это не её преследователи. Скорее всего, это был хозяин, а уж ему она сможет объяснить, каким образом она здесь, если, конечно, он не законченный идиот.

Мало-помалу, можно сказать на пинках, они подошли к двери, которую мужчина открыл очень осторожно. Мария удивилась, если хозяин, к чему осторожность, а вдруг – вор? Во дворе было тоже темно, но невдалеке смутно виднелся дом, куда они и направились.

Мария уже не сопротивлялась, поняв, что это бесполезно. Объятия мужчины – вовсе не сексуальные – тоже слегка ослабились. Потихоньку открыв дверь дома, мужчина подтолкнул Марию, не разжимая ей рот. Они прошли по небольшому коридорчику, зашли в полутёмную комнату.

– Не вздумай орать! – грозно приказал мужчина, отпуская её, – Ты кто такая?

– Меня зовут Мария, я шла домой, после работы зашла в супермаркет, купила кой-чего, за мной двое пьяных увязались, хотели изнасиловать, – Мария всхлипнула, – я от них стала убегать, увидела проход, затаилась там, а потом нашла лаз, залезла туда, по сену выбралась в ваш сарай. Вы не думайте ничего плохого, я ничего не взяла. Мне очень нужно

домой, – Мария рассказывала, как ей казалось, очень убедительно, но, закончив свою речь, удивилась, увидев полное недоумение в глазах своих слушателей.

Они тоже показались ей странными. Двое пожилых людей и мужчина, который её привёл, выглядели так старомодно, что ей показалось, она попала в другой век.

– Откуда ты взялась? – спросил мужчина.

– Как это откуда? Я же вам русским языком говорю: залезла в ваш сарай с другой стороны, в дырку в стене, потому что убегала от преследователей.

– Как они были одеты?

– Вот ещё! Я даже не оглядывалась ни разу! Они шли по пятам, ржали, как кони, и говорили всякие сальности! Если бы я остановилась, они бы цапали меня!

– На каком языке они говорили?

– Вы что, издеваетесь? На русском. Точнее, на матерном. Отпустите меня, пожалуйста, я ничего вашего не взяла. Меня уже дома заждались. Ну, пожалуйста, – заканючила Мария.

– Где ты живёшь?

– На улице Пожарского – это недалеко отсюда, – все переглянулись, Мария же начала сердиться, – ну, что вы за люди такие, неужели не видно, что я не вор, а несчастная женщина?

– Очень хорошо видно, именно поэтому тебя придётся ликвидировать, – у Марии похолодело внутри, куда она по-

пала?

– Как, как это? Вы что? Вы кто? – Мария обвела всех расширенными от ужаса глазами.

– Спрашивать буду я, – жёстко оборвал её мужчина, – как тебя зовут, откуда ты родом, рассказывай подробно.

– Не понимаю, зачем вам это нужно? Я же ничего не взяла, вот – посмотрите, женщина, хоть вы заступитесь, он же ненормальный, я же только домой прошусь! – Мария обратилась к пожилой женщине в сарафане, какие носили в 19 веке, – та испуганно шарахнулась.

– Молчать! – рявкнул молодой мужчина, – Я ясно сказал – рассказывай.

– О, Господи! Зовут меня Мария Борисовна Селиванова, по мужу Романенко, работаю бухгалтером, живу на улице Пожарского, разведена, сыну пять лет, сидит сейчас дома, плачет, я ему подарков накупила, а дойти до дома не могу, – Мария только сейчас осознала в каком она дурацком положении оказалась, и слёзы горячей волной полились из её глаз.

– Нас этим не проймёшь. Как ты оказалась в нашем сарае?

– Я уже рассказывала, у меня сил нет повторять, – обречённо всхлипывала Мария.

– Андриан, пожалей её, вишь, как она расстроилась. Пусть Миха разберётся, он всё знает. Вишь, плачет.

– Играет.

– Да, нет, я женским чутьём чую, не врёт, – заступилась

пожилая женщина.

Мария подняла голову и, встретив сочувствие в её глазах, немного воспряла духом. Молодой мужчина, у которого не только руки были жёсткими, но и взгляд, и, по-видимому, и сердце, сердито сверкнул глазами:

– Тебя, мамаша, не спрашивают. Она только и ждёт того, чтобы я её в отряд приволок. Её за тем и прислали. Вишь, раздели как, чтобы мы бдительность потеряли.

– А что же делать – то теперь? Неужели убьёшь её? – испуганно спросила женщина, а Мария вообще не только плакать, но и дышать перестала.

– По-хорошему, надо бы сразу пришить, чем дольше тянуть, тем больше она может неприятностей принести.

– А ну, как, она не виновата? Грех на душу возьмёшь!

– Андриан, ты того, не спеши, – подал голос пожилой мужчина, наверное, отец жестокого Андриана.

Мария, поняв, что у неё появились защитники, с надеждой воззрившись на Андриана, задумчиво почёсывавшему бороду.

– Ладно, свяжем её, пусть посидит в сарае, а я схожу в лагерь, поспрашаю.

– Вот и ладненько, – обрадовалась мамаша, – да можно и не связывать. Ведь если её заслали, какой интерес ей убежать – то.

– Ты, мамаша, сильно добрая.

– Пусть лягает в дому, – не убежит до рассвета – распоря-

дился папаша, который тоже тяготел к добродетели.

Андриан сердито передёрнул плечами и, надев выцветшую штормовку, пошёл к выходу.

– Стерегите её. Я быстро.

Едва за ним закрылась дверь, мамаша повернулась к Марии, ласково улыбаясь:

– Как тебя зовут, девонька, Мария?

– Да, а вас?

– Меня Лукерья, тётя Луша, а деда – Григорий. Откуда же ты родом?

– Да отсюда. Я здесь и родилась, и училась, и работаю.

– А мы тебя раньше не видели.

– Да я на нашей улице не всех знаю, а вы, считай, через три с половиной улицы от нас живёте.

– Что ты такое говоришь? В нашей деревне всего три улицы. Длинные, правда, но... Что-то тут не так.

– Я уж и не знаю. Я вообще ничего не понимаю. Шла домой по родному городу, а попала в какую-то деревню. Ничего не понимаю.

Мария вдруг почувствовала, что устала невероятно. Ещё бы, – столько пережить за короткий промежуток времени, а главное, – ничего не понятно. Она почувствовала, что у неё слипаются глаза, но всё же жалобно попросила:

– Отпустите меня. Меня сын заждался.

– Не можем мы, девонька, – подал голос дядя Григорий, – Андриан у нас строгий. Сказал – стерегите, значит надо сте-

речь. А вот спать ты ложись. Вон у тебя уже и глаза закрываются.

Мария поняла, что спорить бесполезно. Что ж, поплачет Володька, а завтра получит все свои подарки. Мама придумает, чем его успокоить. Мария иногда не ночевала дома, правда, заранее предупреждала. Жаль, что у неё сотовый поломался.

Мария уже спала «на ходу», тётя Луша отвела её на лавку, застеленную каким-то тряпьем. Мария даже не удивилась, отчего это у людей такая беднота, зачем они её в плен взяли, заложницей что ли? Много ли с неё возьмёшь? Мысли текли совсем вяло, потом совсем спутались, и она заснула.

Какое-то существо – бесформенное, скорее похожее на грозное облако со злыми глазами сидело у неё на груди, пытаясь задушить. Мария пыталась освободиться от него, но оно придавливало её всё сильнее и сильнее, пока она не почувствовала, что сейчас совсем задохнётся. Мария попробовала закричать, но не могла. Она собрала с силами и крикнула, проснувшись от своего крика. На груди у неё сидел огромный пушистый кот, который, увидев, что она пытается встать, муркнул, не поменяв позу, наверное, приказал ей не шевелиться. Мария рассердилась и столкнула наглеца на пол. Бог мой! Это не сон. Она, действительно, спала на жёсткой лавке в какой-то комнате непонятного предназначения – вроде гостиная, но похожа больше на сарай. Мария села на лавку, пытаясь разобраться, где она и почему.

Так, шла, бежала, залезла, пролезла, вылезла. Схватил какой-то злющий мужичок, даже не запомнила его лицо, притащил сюда. Что он там говорил, куда-то в лагерь пошёл? Секта у них что ли, староверы, может быть? А, может, вообще какие-нибудь террористы, а её теперь «пришьют», чтобы не разболтала про их логово. Да нет, у тёти Луши очень добрые глаза, да и дядя Гриша – тоже добрый. Вот попала! Круто ты попала! От этих мыслей Мария не только не успокоилась, но окончательно расстроилась. В комнату просунулась голова тёти Луши:

– По-маленькому хочешь? Пошли, я тебя отведу. Андриан за тобой пришёл.

У Марии похолодело внутри – пришёл за ней! Убивать её будет! Или поведёт сейчас к своим, там решат – убивать или нет. За что? Господи, что она такого сделала? Она, трепеща в душе, шла молча за тётёй Лушей в наружный туалет. Да, удобства здесь. А ещё бы умыться, подмыться.

– Ой, не знаю, девонька. Андриан сердиться будет. Он только и разрешил, что в туалет тебя сводить.

Мария не стала возмущаться таким обращением. Вспомнила какой-то фильм, где давали наставления, что, если вас захватили в заложники, старайтесь не сопротивляться и по возможности исполнять требования террористов, в противном случае, рассердившись, они могут вас сильно избить или вообще убить раньше времени.

Андриан, накупившись, стоял у стола.

– Андриюш, пусть она хоть молока попьёт. Ведь голодная же.

– Успеет. Пока молоко, пока то, да сё, идти нам надо, – сказал, как отрезал.

Мать его лишь вздохнула, прошуршала чем-то и протянула Марии свёрток:

– На, по дороге съешь.

– Спасибо, тётя Луша, – у Марии слёзы на глазах выступили от жалости к самой себе.

Она быстренько натянула куртку, и пока Андриан отдавал какие-то распоряжения своей мамаше, открыла сумочку, достала косметичку. Так, так, хорошая тушь, глаза совсем не размазались во сне, губки слегка подкрасить, хоть и на смерть, но красивая. Женщины неисправимы.

Андриан подошёл к ней, когда она уже была готова. Зло посмотрел на её пакеты и сказал матери:

– Принеси рюкзак.

Марии не хотелось отдавать пакеты, но – что уж там подарки, когда тут речь идёт о жизни. Андриан засунул пакеты в рюкзак, надел его на плечи и направился к двери, бросив на ходу: «Пошли». Тётя Луша, жалостливо глянув на Марию, тихо прошелестела что-то вроде: «До свидания».

Мария думала, что сможет удрать по дороге, но Андриан пошёл в огород, а там сразу – лес. Мария еле попевала за ним на своих каблуках, в изумлении посматривая по сторонам. Никогда не знала, что у них в городе так близко лес. Она

оглянулась, а где же город? Странно. Куда это её занесло? Неужели, убегая от преследователей, она свернула куда-то не туда? Да нет, она ведь никуда не сворачивала. Те мужики шли за ней по одной и той же улице в частном секторе.

Она ломала голову над этими метаморфозами, а Андриан уже поджидал её:

– Иди быстрее, так мы и до обеда не дойдём!

– Попробовали бы вы на каблуках идти по мягкой земле.

Андриан задумчиво посмотрел на её ноги, сплюнул и пошёл вперёд, стараясь не спешить. Мария же не шла, а бежала за ним. Скоро она совсем выбилась из сил, к тому же созерцание выцветшей штормовки, а большей частью кирзовых нечищенных сапог вовсе не настраивало на романтический лад, хотя лес, по которому они шли, был необыкновенно красив. Мария остановилась:

– Я не могу больше. Хоть пять минут отдохну.

– Нет, у нас нет времени.

– Я понимаю, что у вас не должно быть сердца, раз вы занимаетесь таким делом, но я устала, понимаете? Мне тяжело на каблуках!

– Никто тебе не виноват. Зачем рядиться в такую обувь, в которой невозможно ходить? Разувайся и иди босиком.

Марию возмутила такая перспектива, но зато появилась возможность хоть немного отдохнуть! Она присела на траву.

– Разувайся, я тебе сказал, чего расселась?

– Как же я пойду босиком? Да это будет ещё дольше. Я

ведь не привыкла босиком ходить. Тут колко, палки всякие!

Андриан заскрежетал зубами и, бормоча что-то типа: «Надо было пришить сразу», полез в рюкзак, вытащил огромные шерстяные носки:

– Надевай. Дойдёшь как-нибудь, неженка. Зачем тебя такую неженку прислали?

– Кто меня прислал? Я вообще не понимаю, что вы от меня хотите? Вы до сих пор мне не сказали, взяли вы меня заложницей или просто боитесь свидетеля. Но я ничего не видела и не знаю, а денег у меня нет.

– Заткнись. Надевай носки и пошли, здесь нельзя долго останавливаться. Перейдём балку, потом отдохнёшь.

– Ну, и на том спасибо.

В носках, действительно, идти было легче. Мария шла теперь следом, умудряясь даже поглядывать по сторонам. Лёгкий туман раннего утра не давал возможности посмотреть вдаль, но вблизи был великолепный разноцветный лиственный убор.

А идущего впереди Андриана ничего не интересовало – ни красоты природы, ни общество симпатичной молодой особы. На Марию он вообще не обращал внимания. Мария привыкла нравиться мужчинам и сразу могла определить по взгляду, какое впечатление произвела. Мужчина мог ласкать взглядом, мог раздевать, мог восхищаться, но этот – козёл! – смотрел злыми глазами, да ещё собирался «пришить». От таких мыслей Мария снова пришла в негодование, но кроме

как себе любимой, сказать было некому. Значит, надежды на то, что можно надеяться на свою красоту – никакой.

Внезапно Андриан остановился и прислушался, потом поптичь свистнул. Ему отозвались. Он снова пошёл вперёд, не проронив ни слова. Это ж надо! Тут их целая банда, и куда полиция смотрит! Мария шла молча следом, понимая, что такие мысли вслух к добру не приведут. Внезапно она почувствовала такой приятный запах еды, что просто слюнки потекли. Она сразу же вспомнила, что не ужинала, а завтрак лежит в рюкзаке у этого злыдни, который не то, что поесть не даст, но и ...

Пока Мария придумывала что, они вдруг оказались на полянке, окружённой со всех сторон землянками. Здорово! Вот это конспирация! Только что был просто лес, а тут оказывается, люди живут. Хотя запах еды их выдаёт. Мария представила, что будет рассказывать в полиции, когда освободится...Если...

Между тем их окружили люди довольно странной наружности. Средний возраст – двадцать – тридцать лет, ни одного лица кавказской национальности, напротив, все они были белокурые и красивые. Мария встрепенулась, и быстренько сняв носки, надела ботиночки на высоких каблучках. Что ж надо выглядеть достойно, раз уж её так пристально рассматривают. Молодые люди, особенно женщины, рассматривали её, как диковинку, не проронив ни слова. Андриан куда-то ушёл, а она стояла в плотном кольце этих странных молча-

ливых людей, и ей становилось всё больше не по себе. Кто они такие? Зачем живут в лесу? Одеты как-то странно – и мужчины, и женщины в штормовках, как у Андриана, или в толстых свитерах, только у женщин из-под штормовок выглядывали длинные юбки, больше похожие на мешки. Конечно, Мария по сравнению с ними выглядела экзотично – в обтягивающих джинсах, обтягивающей кожаной куртке на молнии, а самое главное со своей модной стрижкой и цветом волос «Вулкан». Наконец, один молодой человек, по-видимому, самый молодой присвистнул:

– Вот это ж...! Вот это да! Вишь, на Большой Земле какие фифы, а мы тут в земле живём!

На него тут же зашикали мужчины, а женщины зашипели, как змеи. Мария испугалась – вон, сколько завистниц сразу. Надо было хотя бы носки не снимать. В это время к ним подошли двое мужчин, – один около сорока лет, а другой – непонятного возраста, лицо вроде бы и молодое, но весь седой.

– Ну, что, познакомились?

– Да, нет, молчит, вражина, – подала голос бойкая молодка, видно, она уже почувствовала уколы ревности.

– Ну, уж и вражина сразу. Ты, Верка, как скажешь. Сейчас разберёмся, – весёлым голосом откликнулся седой. Марии полегчало на душе. Кажется, есть союзник.

– Пошли, девонька, поболтаем.

Втроём они зашли в самую большую землянку. Мария

огляделась. Здесь стоял огромный стол, вокруг него – лавки, в углу – печка-буржуйка – вот и вся мебель.

– Садись, рассказывай, – строго сказал мужчина в кожаной куртке революционного образца.

– Ну, что ты, Василь! Она, небось, голодная. Будто ты не знаешь Андриана! Ташил, наверное, силком, не дал ни поест, ни попить. Верно, голубушка? – Мария кивнула, – Сейчас мы чаю организуем, каша готова уже на завтрак. Да и мы с тобой подкрепимся!

– Ты, Миха – дезорганизатор. На войне, как на войне. Сначала – главное, а уж потом – чай гонять.

– Василь, предоставь мне определять, где враг, а где – напуганная женщина. Смотри, на ней лица нет.

– А может, у них задумка такая, а она – актриса хорошая.

– Ну, это мы всегда успеем распознать. Никуда она от нас не денется. А если случайно попала, то будет союзником. А то Верка её уже и вражиной окрестила, больно красивая дамочка попалась.

– Вот – вот. Специально такую прислали, чтобы отвлечь внимание, поссорить бойцов, может, она и диверсию совершить должна, кто её знает?

– Да, ладно тебе. Давай-ка, красавица, к столу.

Во время этих препирательств седой, которого называли Михой, уже успел накрыть стол, крикнул в двери, чтобы принесли кашу, расставил всё на столе, и с широкой улыбкой приглашал Марию позавтракать. Марии очень понравилась

эта мысль. Она уже чувствовала лёгкое головокружение от всех событий, происшедших за последнее время, и с удовольствием бы выпила чаю, а когда занесли ароматную кашу (вот бы уж не подумала, что каша может так аппетитно пахнуть), то и вовсе расположилась покушать.

– Тебя как зовут? – спросил Миха, разливая чай.

– Мария.

– Манька, значит.

– Как это, Манька? Я же сказала Мария. Маша можно, но не Манька.

– Что это ты так возмущаешься, у нас не принято Марией называться. Вон в соседнем отряде есть Манька, теперь у нас своя будет.

– Миха, попридержи язык, – одёрнул его строгий мужчина, которого звали Василём.

– Это Василь – наш командир. Строгий, но справедливый, – не обращая внимания на одёргивание, продолжал весёлый Миха, – а я здесь и учитель, и лекарь, и политрук, и судья, и поп, и растороп.

– И болтун, – подсказал Василь, уже улыбаясь.

– А как же! Во все мои обязанности и входит – языком болтать. Расскажи, Мань, всё по порядку, как ты попала в сарай с сеном. Андриан рассказал уже, да не понятно ничего.

– Знаете, мне и самой непонятно. Я вчера получила зарплату, как всегда, пошла в супермаркет, купила всякой всячины, подарки сыночку, вкусенького, задержалась немного.

Вышла – уже стемнело, сейчас ведь темнеет раньше. Домой пошла пешком. А по дороге за мной двое пьяных увязались. Сначала просто подшучивали, а потом стали преследовать, мне показалось, что они хотят меня изнасиловать, я стала убегать, они за мной, я нырнула в какой-то проход, они мимо проскочили, но, чтобы не встретиться с ними я пошла по проходу, чувствую, что-то мягкое – сено, я залезла в дырку в стене, а потом долго лазила по сему – выход искала, потом в какой-то проход полезла, а когда вылезла – тут Андриан меня и схватил. Знаете, я до сих пор не могу понять, как я оказалась в вашей деревне, ведь я шла по городу. Наш дом – частный – на окраине города, а не в деревне, да и леса такого нет. Мы, когда шли по лесу, я ещё подумала – деревья совсем не такие, как у нас. Даже если проехать чуть дальше, такого леса нет.

Её очень внимательно слушали, ни разу не перебив, теперь же собеседники задумались, а Мария решила попробовать ароматной каши. Наверное, эффект был в том, что она была сварена на курином бульоне, в ней был кусочек мяса, да ещё зеленью припорошена, да ещё Мария была жутко голодной. Она и не заметила, как уплела всю кашу и уже поглядывала на чай, как услышала голос дяди Михи:

– Я тебе говорил, Василь, что есть проход. Сколько лет ты мне не верил, пока кровью своей не доказал, что правду говорил, – Мария поглядела на собеседников, ничего не поняла и снова заинтересовалась чаем, таким ароматным, что

трудно было устоять.

– То ты, а то – она. Ты – свой, а кто её знает? Может, этим проходом враги воспользовались, – размышлял Василь, а Мария прихлёбывала ароматный несладкий чай.

– Послушай, Маня, а как ты по сену проползла?

– Ну, я же рассказывала, ползла вверх, потом назад, мне показалось, что я заблудилась, я так много сена в жизни не видела. Потом, когда опять назад повернула, почувствовала, что есть лаз вбок. Ну, я поползла, – наевшись, Мария рассказывала степенно, с чувством.

– Сколько приблизительно времени ты ползла?

– А я откуда знаю? Мне так надоело там ползать, мне казалось, что прошла вечность.

– Вот-вот.

– Что – вот-вот?

– Да это я не тебе. А ты вот что – опиши свой город, только подробно.

Мария подробно описала свой город, потом Москву, потом соседние города, потом у неё перестал ворочаться язык, а после чая захотелось в туалет. Строгий Василь качал головой, явно не доверяя, а дядя Миха сказал:

– Ладно, пошли в мою землянку. Отдохнуть тебе надо. А потом поговорим. В общую землянку тебе пока нельзя. Пообвыкнуться надо. А я – человек надёжный, как мужчина – не опасный. Отпустишь, Василь?

– Ладно, под твою ответственность. Удерёт, с тебя три

шкуры спущу. Больно охота лагерь менять под зиму.

– Пошли, Мань.

– Дядя Миха, ну, не называйте меня Маней, мне это неприятно. Я не привыкла, да и вообще, – увещевала она Миху, которого, действительно воспринимала, как родного дядю, выходя из землянки.

– Я не буду, другие будут. Какая тебе разница?

Марии больше всего на свете хотелось принять душ и выспаться в своей кровати, она лишь намекнула дяде Михе, что ей бы привести себя в порядок, но для этого нужен душ, а дядя Миха засмеялся так весело, что и Мария заулыбалась:

– Забудь, голубушка, что такое душ и прочая цивилизация. Потом поймёшь, почему, – опередил он её вопрос, – У нас тут моются раз в неделю

– в бане, а тебе – душ подавай. Но воды горячей я тебе принесу и сам уйду, пока ты не приведёшь себя в порядок, – Мария перестала улыбаться и приуныла.

Однако после того, как она, наконец–то, помылась и улеглась на лавке в маленькой и очень уютной землянке дяди Михи, она в первый раз за последние сутки ощутила блаженство. В землянке пахло травами, было тепло и даже уютно. Она задремала, когда услышала, что зашёл дядя Миха:

– Спишь, девонька? А я хотел поговорить малость.

– Да я уже и задремала. Так устала. Дядя Миха, как вас зовут по имени отчеству? Миха – это вроде клички. Михаил?

– А зачем по-другому? Так меня все и зовут.

– А вы мне можете объяснить, где я нахожусь? Мне не нужна ваша, как это, дислокация, просто скажите, какой город рядом. Вы у меня столько спрашивали, а я в полном неведении, где я. Я при командире постеснялась сказать, но ... мне вот показалось, что я – заложница, а вы все – террористы. Но вы – такой добрый, а, может, у вас такая роль, я хочу у вас спросить – кто я здесь и где я?

– Ты можешь не стесняться. Ты – в параллельном мире.

– Что? – Мария поднялась с постели и заморгала глазами, не разумея сказанного, – Вы шутите?

– Нет, не шучу. Я бы не знал, кто ты и откуда, если бы сам там не побывал вот уже скоро семь лет назад.

– Как это? Я не верю! Такого не бывает! Что вы такое говорите? Не может быть! Вы издеваетесь надо мной? Я ничего не понимаю, – высказав все свои эмоции, она повалилась на свою постель из свежего сена, застеленной какой-то тряпкой, правда, чистой, и зарыдала в голос.

– Поплачь, поплачь, женщинам это помогает, – с этими словами дядя Миха вышел из землянки, а Мария проплакав добрый час уснула мёртвым сном.

Ей снилось что-то приятное. Что-то такое, что не запоминается, но, когда проснёшься, остаётся ощущение, что ты побывал в сказке. Мария открыла глаза и, убедившись, что проснулась в землянке, резко их закрыла, даже зажмурилась. Что ей делать? Одно утешало, если она попала в параллельный мир, значит, она не заложница.

Марии вдруг вспомнился рассказ об одном молодом мужчине, который пропал, кажется, во время охоты, а вернулся к своим через восемь лет уже пожилым мужчиной. Он рассказывал, что жил среди людей, не совсем похожих на его окружение, вообще, в другом мире. Ему не совсем поверили, решили, что он свихнулся, его не было восемь лет, а он уверял, что прошло уже пятьдесят.

Кошмар! Неужели она вернётся домой также через несколько лет, совсем старухой, а сын уже вырастет... Мария снова заплакала. Ей всё ещё не верилось, что умозаклочения Михи – правда.

– Ну, что это ты? Всё ещё не наплакалась? – услышала она ласковый голос, – вот послушай, что со мной произошло, может, полегчает.

Мария лежала, уткнувшись в подушку, набитую сеном, но уши уже готовы были принимать информацию. Миха откашлялся и начал свой рассказ:

– Тебе, наверное, странным показалось, как мы тут живём. Много лет назад у нас, как и у вас была война – Великая Отечественная, с фашистской Германией. Я не знаю точно, в это ли время разделились наши миры или наш мир развивался также, как и ваш, только немного по-другому, но у нас война не закончилась, – Мария перевернулась на бок и заплаканными глазами взглянула на дядю Миху, – У нас не было великих сражений, как-то всё потихонечку развивалось, то одни победят, то – другие, но длится это уже... дай

бог памяти, лет пятьдесят, точно. Многие города России не знали врага, они продолжают развиваться, но не так, как в вашем мире. Мы же, которые остались на территории, оккупированной фашистами, живём в основном вот так – в лагерях, партизаним. Те фашисты, которые когда-то хотели поработить нашу страну, уже перевелись. С нынешними «завоевателями» мы живём в определённых отношениях. Вся молодёжь – с четырнадцати лет – живёт в лагере, потому что могут угнать в рабство. После сорока – сорока пяти лет и беременные, кормящие женщины живут в деревне. Все мы им помогаем – на посев, на уборку урожая собираемся, приходим, когда надо помочь с животинной, забить, освежевать, ходим в деревню за продуктами. Наши «враги» прекрасно об этом знают. Когда нам надо идти на посевную, мы оповещаем деревенских, те постоянно об этом говорят, мол, с такого-то числа будет посевная. Также точно – сбор урожая. К этому времени наши «враги» срочно убираются из деревни, – то им нужно на учения, то ещё какая-нибудь причина. Причём, пока мы не посеём или не уберём всё, они не вернутся.

– Разве ж это враги? – подала голос заинтересовавшаяся Мария.

– А как же, ведь они забирают часть урожая, вроде как подать.

– А почему нельзя истребить их всех и ничего не отдавать?

– Не готовы наши верха. Люди разрознены. Упустили момент, когда всё население горело мечтой избавиться от работодателей, как произошло в вашем мире. А теперь у нас такая вот кутерьма. Вся страна не считается побеждённой, правительство заседает в столице. Кстати, наша столица – Московия, а мы – ведрусы, а не русские, как вы.

– Что ж вы так и будете в землянках жить, ведь вы отстаёте в развитии? Со временем, вы так отстанете вместе со своими врагами, что вас завоюет другая страна.

– Ишь ты, я тоже думал над этим. Да и не я один. В основном всех устраивает такая жизнь, – привыкли.

– А что, в столице тоже так?

– Ну, чуть лучше. Газа нет, как в вашем мире, в основном электричество. Техники нет такой, но зато гуманитарии процветают. По сравнению с вашим миром, у нас более развито духовное развитие. Люди сильнее осознают своё место в мире, пытаются найти прекрасное во всём. У нас тут есть книги, я по ним учу молодёжь. До четырнадцати лет молодёжь живёт в деревне. Их там тоже обучают, но по законам чужой страны, а когда они попадают к нам, приходится их переучивать и доучивать.

– Кошмар!

– А что ж кошмарного, так уж повелось.

– Дядя Миха, а расскажите, как же вы попали в наш мир? Где тут тоннель, ведь по нему можно и обратно попасть?

– Можно, только он работает по своим законам. Можно

пятьсот раз пробовать проделывать то же самое, что с тобой приключилось и ничего не получится, а может получиться в какой-то самый неподходящий момент.

– Расскажите, пожалуйста.

– Я пошёл на задание командира – надо было в соседний лагерь сходить, донесение отнести, а у них забрать то, что нам предназначалось. У нас до сих пор так связь с Большой Землёй поддерживается. Наш отряд маленький, а соседний – в два раза больше, видишь, я тебе не боюсь выдавать маленькие тайны, их уже давно знают наши враги. Командир требует, чтобы мы не ходили одним и тем же путём, чтобы не прибывать траву, – для маскировки. Я и пошёл другим новым путём, а уже вечер был, я бы старым путём быстро дошёл, а тут – заблудился. Я этот лес, как свои пять пальцев знаю, а тут – бык – мык, не могу сориентироваться. Я назад пошёл, смотрю – лес поредел, а темно уже стало, хоть глаз выколи. Я решил – заночую в лесу – не в первой, а утром разберусь, что к чему. У меня плащ-палатка с собой была, завернулся, да и уснул. Утром проснулся от ощущения, что что-то не так. Открываю глаза – лес вокруг, но не наш. Прощёлся чуть-чуть и вышел на поляну, а за поляной – дома высоченные. Я не испугался. Подумал, что заблудился и вышел к большому городу. У нас ведь есть такие, ты не думай, что все ведруссы в деревнях живут! Добрался до города, – батюшки свет! – трамваи, машины такие, люди одеты как! Я подумал, вот ведь мы в лесу живём, отстали как от жизни. А

люди в городах, – вона как! Иду дальше, озираюсь, как дикарь, рот раззявил, тут меня машина и сбила. Слегка, правда. Упал на замощённую дорогу и лежу, – не пойму, что со мной. Ничего не болит, а отчего упал, – не пойму. Подбегает ко мне детина и давай матом ругаться, – «Поразвелось бомжей, нормальному человеку не проехать!» Люди стали собираться, а я лежу. Тут один мужичок из толпы и говорит: «Ты бы его отвёз в больницу. Он, может, и бомж, но человек, а ты его раздавил, как таракана, и митингуешь теперь, козёл!» Детина вдруг испугался, поднял меня, запихнул в машину, и повёз куда-то. «Куда тебе?» – спрашивает. А я ему: «Не знаю, мил-человек, я тут впервые, в лесу живу, ничего не знаю. Даже не представлял, что такие города бывают». «Так тебя что, в лес отвезти?» – спрашивает, «Ага», – отвечаю. Привёз он меня к лесу. Пошёл я в лес, а всё там не так, всё незнакомое. Иду, думаю, вот это я закружился. Шёл, шёл, смотрю, поредел лес, вышел на просёлочную дорогу, вижу – деревня вдалеке. Пошёл туда. Пришёл в деревню, – не наша и не соседская, да и вообще – люди ездят на машинах, одеты все – щёголями. Ничего не пойму. Сел я на лавку, задумался. Тут ко мне мужичок подсел. «Выпить хочешь, спрашивает?» Я-то знаю, что такое выпить, хотя у нас – сухой закон. Но мне странно как-то стало. Я промолчал, а он уж достал пузырёк с какой-то гадостью, – в первый раз в жизни я попробовал водку, выпили, он меня стал спрашивать, кто я, да откуда. Но меня хоть пои, хоть не пои, я конспирацию даже

во сне соблюдать буду. Я ему сбредал, что иду к родным, а откуда – сказал, что в голову взбрело. А он как разобидится на меня. Я, говорит, тебя, сволочь такую, пою на халяву, а ты мне голову морочишь. Такого города нет. А я говорю есть. Заспорили мы с ним. Я-то хоть и сбредал, но город всамделишный назвал. А он – пьяный – буйный, лезет драться, говорит, не уважаешь. Разняли нас какие-то мужики. Принесли ещё водки, ещё выпили, стали у меня спрашивать, а я хоть и опьянел, но своё талдычу, то, что в первый раз сказал. Тогда один из них – интеллигентный такой с виду, стал у меня расспрашивать, откуда я родом, где жил до этого. Я подумал, что соврать не сумею, рассказал немного правду. А мужики, как взбеленились. Врёшь ты всё, кричат, опять драться лезут. Тот, интеллигентный, остановил их, говорит, видно, мужик не в себе, оставил им всю водку, а меня с собой забрал. Пришли мы к нему, он один жил – от бабы из города удрал, как потом выяснилось. Сели мы с ним, и я ему откровенно всё рассказал. Он всё головой мотал, по десять раз одно и то же ему повторял, потом он мне и говорит: «Ты понимаешь, что ты не в том времени, у нас война уже пятьдесят с лишним лет как закончилась, а ты – партизан, говоришь. Молчи на людях, а то за сумасшедшего сочтут. Видно ты – из параллельного мира, – говорит, – это только по геометрии на бумаге параллели не пересекаются. А в жизни, оказывается, всяко бывает». Остался я у него жить. Телевизор в первый раз в жизни увидел, чуть с ума не сошёл, когда понемногу

понимать начал, что оказался я в другом мире. Мужик тот, Николай, умница был, помог мне. Сначала он тоже не верил, что такое бывает, а потом, когда я ему по несколько раз рассказал про своё житьё-бытьё, а он мне про свой мир, мы друг другу поверили и стали думать, как же мне назад вернуться.

– А зачем назад? Разве там вам плохо было?

– Там – хорошо, но слишком много здесь было оставлено.

Мы с ним сразу договорились, что моё – это там....

– Что?

– Потом расскажу. Не нужен там я никому был. Даже Николаю. По дому я всё делал, а он на работу ездил. Уедет на неделю, а потом неделю дома сидит. Мы с ним починили всё в его домишке – от матери ему достался. Сын у него уже взрослый был, один раз наведлся с женой. Я потом в окно видел, как он у виска крутил, наверное, обо мне речь была. Время шло, а мы всё никак не могли придумать, как бы мне назад попасть. Я уж несколько раз ходил по лесу, ночевал в лесу, да всё не получалось. Перезимовали мы, Николай стал меня уговаривать, не ходи, говорит, живи у меня. Хорошо мы с ним жили. По вечерам сидели у камина – он смастерил вместо печки, что у матери стояла, я о своей жизни партизанской рассказывал, а он о себе. Это он сказал, что я из параллельного мира пришёл. Книг у него много было, я читал, телевизор смотрел, чего бы ещё, но всё ж тянуло меня домой, не моё там всё было. Как в гостях ни хорошо, но дома лучше.

– Как же вы попали домой?

– До сих пор не могу понять, как. В конце лета, считай, год прошёл, пошли мы с Николаем по грибы, на жарёху насобирать, да впрок заготовить. Прошли километров тридцать – и свой лес, и через речку – в дальний. Сначала аукались, а потом напал я на полянку, грибов – видимо-невидимо, я звал сначала Николая, а он кричал, сейчас, у меня у самого тут полно, потом увлёкся, насобирал полную корзину. Смотрю, уж вечереет. Я кинулся по своим следам, кричу, зову Николая, никто не откликается. Я уж решил сам домой выбираться, думаю, он меня, наверное, тоже звал, да и пошёл домой. А ведь мы далеко забрались. Тут совсем темно стало. Я решил заночевать в лесу, мне ведь не впервой. Утром проснулся, смотрю, а лес-то – другой. Я сразу понял, что я назад попал, в свой мир. Главное, надо было сориентироваться, да к врагам не попасть. Пошёл я по лесу и скоро вышел в соседний лагерь. Они меня встретили настороженно, не верили долго, что я в другом мире был. Наш командир – тоже. Мы с ним всегда были друзьями, особенно после того, как мои все погибли, а тут – смотрят все, как на предателя. Тяжело было. Только через год мы попали в переделку, я дрался с остервенением, был ранен, контужен, после этого они вроде бы немного оттаяли. А тебе вряд ли поверят, хоть я и на твоей стороне.

– Как же всё-таки вы домой попали? Вы же говорите, что до этого тоже ночевали в лесу?

– Ты себе голову не ломай. Никто не знает, где этот тон-

нель, когда открывается проход. Может, тебе и не доведётся домой попасть.

– Что вы такое говорите? У меня там сын маленький, родители, работа! Вся моя жизнь! А что тут? Я ведь не привыкла к таким условиям!

– Не заводись! Поживём, увидим. А пока одевайся вот – я тебе принёс, что наши бабы пожертвовали, да пошли завтракать – ты спала почти сутки.

– Что это такое? – Мария с чисто женским любопытством ко всему, что касалось тряпок, обмоталась тем, что служило ей одеялом, и подошла посмотреть, – вы что, издеваетесь? В жизни я такое не надену!

– Наденешь! Тут только в таком и ходить. К тому же тебе сейчас надо с женским полом подружиться, мосты наводить. Мужики, они и так тобой заинтересовались, так что нечего задницу обтягивать, а бабы у нас хорошие, но не надо их лишний раз заводить. Все вы одинаковые. Их одень также, они тоже будут фифами. Зачем тебе с ними в войну играть? Одевайся, я пошёл.

Мария понимала, что дядя Миха абсолютно прав, но надеть бесцветный дурацкий сарафан с не менее бесформенной рубахой, – о! Ужас!

Мария взяла сарафан двумя пальчиками. Ткань была грубо соткана, но мягкая, приятная на ощупь. Надела рубаху – сгодится в качестве ночной. Надела сарафан поверх своей облегающей кофточки, покрутилась – сарафан был почти до

циколоток – вытащила из джинсов широкий ремень, украшенный всякими бляками. Ремень подчеркнул тонкую талию, а сарафан стал выглядеть супермодно. Даже кофточка подходила по цвету. У дяди Михи зеркала, конечно, нет, но и так было видно, что неплохо. Особенно с ботиночками на каблучках. Мария заметила, что дядя Миха принёс и рюкзак с её вещами. Она стала вынимать покупки, и в носу защекотало. Игрушечный сотовый для Володьки – нажимаешь на кнопку, загораются цифры набора, как на настоящем, играет рингтон, который можно выбрать по каталогу. Володька давно просил такой. Мария отложила его в сторону и стала перебирать содержимое пакета, стараясь не заплакать. Как это дядя Миха утешил: «Ты можешь вообще домой не попасть!» Так, средства для чистки ванны и туалета, – очень своевременно, колготки – себе и маме, сюда, жидкое мыло – это может здесь понадобиться, краска для волос, – а что, буду от них отличаться, крем для тела – целая банка – пойдёт для лица, крем для обуви – отложить, косметика...

– Мань, ты что, уснула там? – голос дяди Михи вернул её к действительности. – Выходи уже, заждались тебя к завтраку.

– Заходи, дядя Миха! Я одетая.

Дядя Миха зашёл в землянку и остановился, присвистнув:

– Эк! Ты и в сарафане умудрилась по-своему выглядеть.

Жаль, что я после контузии не мужик уже!

Мария смутилась и показала на стол:

– Вот, смотрите, это мои покупки. Я думаю надо что-ни-

будь отнести ... туда, чтобы хоть как-то доказать, что я из другого мира. А, вот у меня ещё один пакет с едой. Надо его обязательно отнести.

Мария достала пакет с едой. Остальные вещи тоже со временем пригодятся, а вот еду всё равно надо съесть. Она отдала пакет с едой дяде Михе, накинула кожаный пиджак на плечи:

– Пошли?

– Пойдём. Мань, я уже им рассказал, что ты из другого мира. Я тебя сейчас представлю, а ты расскажешь о себе, да на вопросы ответишь. Только ты не обижайся, я тебя заранее предупреждаю, что вопросы могут быть даже неприличные. Я тебе помогу, если смогу, но нужно самой стараться. Главное, не забывай, что тебе с ними, может, всю жизнь придётся прожить. Старайся завести друзей.

– Ну что вы, дядя Михе, беспокоитесь. Я думаю, что всё будет хорошо, – сказала Мария скорее себе, чем ему. У неё уже дрожали коленки.

Они вышли из землянки. Мария на минуту остановилась, чтобы вдохнуть полной грудью необыкновенно чистый, сладкий воздух, напоенный ароматом хвои и увядающей листвы. За столом, который стоял посередине полянки, окружённой землянками, молча сидели обитатели лагеря. Все смотрели в их сторону. Мария почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног, но собралась с духом и красивой «от бедра» походкой подошла следом за дядей Михой к столу.

– Вот вам новая боевая подруга, – представил её дядя Миша, – Зовут её Маня. Она напугана, поэтому не мучьте её вопросами. Давай-ка, Полина, что у тебя на завтрак, – обратился он к полной женщине, которая с сочувствием рассматривала Марию.

– Да вот каша, как всегда, – ответила та, подавая огромную миску с дымящейся кашей.

– Я вот тоже с гостинцами. Я вчера в супермаркете купила, думала, домой принесу, домашних порадую, а попала сюда, так что полакомьтесь вы, – сказала Мария с очаровательной улыбкой, стараясь, чтобы не дрожали губы.

– Давай, давай, – поддержал её дядя Миша.

Мария высыпала на стол содержимое пакета – палочка копчёной колбасы, сыр, масло, сосиски и булочки для хот-дога, несколько пачек творожка, йогурт для Володьки и его любимые сырки в шоколаде, шоколадные конфеты для мамы (она с ними чай пила вместо сахара – полконфеты на чашку), бутылка пива для папы. В магазине ей казалось, что она набрала очень много, а на столе теперь лежало маловато.

– Угощайтесь, – сделала жест Мария.

– Садись, поешь нашей каши, потом расскажешь о себе, – ответил ей дядя Миша.

Остальные также молча сидели за столом. Марии ничего не оставалось делать, как придвинуть к себе миску с кашей. Но она не привыкла есть в таком количестве. Съев четверть того, что ей наложили, она почувствовала, что наелась, по-

тихоньку подняла голову – весь «отряд», чавкая и рыгая, наворачивал кашу. Марию замутило, но, понимая, что она сейчас в центре внимания, она не стала отставать от себя кашу, сидела, наклонившись над тарелкой, ждала. Полина стала раздавать чай. Мария встрепенулась:

– Берите конфеты к чаю.

– Отравленные, небось, – пробурчала красивая женщина – Верка, но так, чтобы её все услышали.

– Ты, Вер, как хочешь, а я возьму, – потянулся за конфетой дядя Миха.

– Ой, ты, контуженный, танком перееханный, а краснопёрка тебя соблазнила! Ишь, шёлковый какой! – не унималась Верка. Мария ещё глубже упёрлась взглядом в свою недоеденную кашу, а дядя Миха несколько не оскорбился.

– Ты, Верка, змея, да только яд у тебя тухлый, – сказал он под одобрительный смех отряда, – да кусаешь вслед, когда не больно уже. Ох! Ух, как вкусно! Мужики, оставьте для баб! Пусть полакомятся!

Женщины одна за другой потянулись за конфетами, а, попробовав, заулыбались. Мария поняла, что чай они пили только с мёдом, который стоял на столе. Полезно, но не так сладко. Она немного успокоилась.

– Ну, Маняша, рассказывай, кто ты, откуда, как попала к нам, – предложил дядя Миха, улучшив момент.

Мария встала, оправила сарафан и рассказала уже несколько раз повторенный рассказ кто она, откуда, как по-

пала. Она даже подбавила эпитетов, когда описывала, как за ней гнались пьяные мужики. Местные мужики отпускали двусмысленные шуточки, женщины посмеивались, одна только Верка сидела, напряжённо сжав губы, зло посматривая, то на Марию, то по сторонам. Мария старалась обращаться к остальным.

– Актёрка, – зло прошипела Верка, когда Мария закончила.

– А чего ж тебя такую худющую прислали, могли бы и помясистее найти, – сказал какой-то мужичок с лихо закрученными усами, но остальные неодобрительно на него зашикали.

– Я уже сказала, что меня никто никуда не засылал, мне тут совершенно не нравится. У меня дома все условия для нормального быта – ванна, туалет, телефон, телевизор, бытовые приборы, у папы машина. А, кроме того, у меня маленький сын, который ждёт меня, – последние слова Мария произнесла звенящим голосом, готовым сорваться на слёзы, – А что касается, мяса, то у нас жир не в моде!

– Ну, ну, мы всё понимаем, только привыкли не верить, – успокоила полная Полина, – если командир тебе доверяет, так и нам можно. А ты, Верка, не заводи народ вместе со своим Амфилошкой!

– Ладно, благодарствуйте за завтрак, пошли, Амфилохий! – Верка, грозно выставив вперёд мощный бюст, встала из-за стола.

– Давай-ка разберём, что ты тут принесла, – предложила Полина Марии, – мы ведь такое не едим.

– Да я же и не вам покупала, как вы не поймёте! Домой я шла. Мы такое едим!

– Ну, ну, не сердись. Это что?

Пока Мария рассказывала, что есть что, она совсем успокоилась. Кроме Полины к ним присоединились все женщины лагеря, Мария попросила дядю Миху принести ещё и второй пакет и почувствовала себя дилером, который пытается продать завалящую продукцию. Продукция была неуместна в лесных условиях жизни, а у покупателей не было денег. Им просто охота было послушать, что такое туалет и ванна, как это вода может бежать из трубы, зачем колготки, а волосы, оказывается, бывают крашеными. Это вызвало особенное оживление, все ведь подумали, что Мария и впрямь ярко красного цвета с пегими перьями – с рождения. Когда Мария дала им понюхать свой новый дезодорант и духи, женщины недоумённо зацокали:

– В баньке напаришься, хвоей надышишься, – пахнуть будешь!

– А у нас женщины каждый день принимают душ, пользуются дезодорантом, душатся духами.

– Что ж, такие вонючие? – этот возглас вызвал у всех смех.

– Ага, пахучие, – поправила Мария, чувствуя безнадежность своих слов. Её уже мутило от крепкого запаха пота разогретых разговором и едой женщин.

– А мужики? Они какие?

– Ну, как вам сказать. Разные. У вас вот все одинаковые – в штормовках, с бородами, белокурые. А у нас все разные. И цветом волос, и одеждой, и манерой поведения отличаются.

– Как это? – женщины, затаив дыхание, придвинулись к Марии поближе.

– Ну, это зависит от того, где работает, сколько зарабатывает, с кем общается.

– Говори понятнее.

– Ой, сейчас. Я вспомнила, что у меня в сумочке журнал есть.

Мария достала из своей сумочки глянцевого журнала, который собиралась просмотреть вечером в тот день, и все женщины склонились над иллюстрациями.

– Мы думали, ты одна такая – блатная, а у вас все такие, – сделала вывод неказистая с виду, но шустрая Лиза.

– Девочки, вы мне ещё не верите, но честное слово, я сама не понимаю, как я сюда попала! А как попаду домой, вообще... – Мария махнула рукой и шмыгнула носом, пытаясь не заплакать.

– Тут уж как повезёт, – рассудительно заметила Полина, погладив её по голове, как маленькую.

Они просидели так почти до вечера, пока не подошёл дядя Миха, не напомнил, что кушать пора готовить, забрал Марию.

– Пока всё хорошо. Сегодня я пойду в соседний отряд,

передам в центр сообщение о тебе. А уж если и там благо-
склонно отнесутся, тогда можно жить, ничего не бояться.

– А Верка? Чего она задирается?

– Ты на неё внимания не обращай. Тут отдельная история. Влюблена она в Андриана. Все об этом знают. Андриан при-
вёл тебя, она себе в башку и втемяшила, что ты – его любовь.

– Неужели не видно, что он меня убить готов, а не любить. Уж скорее бы к вам ревновала.

– Ко мне никто ревновать не будет. Я не мужчина после контузии.

– А разве только мужские достоинства важны? Вы меня так поддержали! Не будь вас, они бы меня растерзали. Я же видела, как они на меня смотрели!

– У нас дружный отряд. Но отношения между женщиной и мужчиной регулируются немного не так, как у вас.

– А как? Я не заметила ничего особенного.

– Видишь ли, живём мы все в лагере одной дружной се-
мьёй. У нас не принято жениться, разводиться. Кто кому нравится, кто с кем слюбится, те и спят вместе. Беременные женщины уходят в деревню. Немцы их не трогают, даже не спрашивают, кто, да откуда. Давно уж так сложилось. Им ведь даже на руку, чтобы мы не вымерли, чтобы размножились, чтобы было кому пахать, сеять, а потом их кормить. Детей они тоже не обижают. Главное не зазеваться, успеть в лагерь перебраться после четырнадцати лет.

– Почему?

– Не то загребут в рабство – продадут в услужение.

– Кошмар! Неужели такое бывает?

– А у вас, думаешь, не бывает?

– Я не знаю.

– А я знаю. Был у вас. Николай рассказывал, что ваши ченцы продавали в рабство своих пленников. Мало их было, потому и огласки такой нет. наших сейчас тоже почти нет в рабстве, научились в лагерях отсиживаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.